

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Николай Мурашкин

**Модернизация опытным
путем. Концепция
«переводной адаптации»
и другие идеи, с помощью
которых Япония делится
опытом своего развития**

Препринт М-106/24
**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2024

УДК 330.342
ББК 65.9 (5Япо)
М91

Мурашкин Н. Ю.

Модернизация опытным путем. Концепция «переводной адаптации» и другие идеи, с помощью которых Япония делится опытом своего развития / Николай Мурашкин : Препринт М-106/24. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2024. — 36 с. — (Серия препринтов; М-106/24; Центр исследований модернизации).

В настоящем докладе рассматривается деятельность Японии по обмену опытом в области истории модернизации и экономического развития. Отдельное внимание уделяется концепции так называемой переводной адаптации, которая характеризует формат иностранных заимствований при модернизации, акцентируя важность структуры местных ценностей модернизирующейся и заимствующей страны, адаптирующей заимствования из-за рубежа — например, рыночные институты — к «местным реалиям» за счет их «перевода» (а не слепого копирования). Изначально выдвинутая в 1990-х антропологом К. Маэгава, эта теория затем была развита учеными К. Оно и И. Оно и получила распространение в японском содействии развивающимся странам как подход к модернизации, который Япония сначала использовала в собственной истории реформ, а в настоящее время делится им как концептуальным и интеллектуальным опытом. В данном докладе предметом анализа служит не столько конкретный период или феномен японской истории модернизации, сколько идейное понятие и подход к развитию, сформированные японскими учеными-исследователями модернизации и вошедшие как в научно-практический оборот внутри Японии, так и в терминологию, применяющуюся при анализе сотрудничества Японии в области экономического развития с такими странами-партнерами, как Аргентина, Вьетнам, КНР, Таиланд, Эфиопия и др.

Информация об авторе: Мурашкин Николай Юрьевич, PhD, исследователь истории японской модернизации и внешней политики.

Одной из характерных особенностей японской модернизации является целенаправленное обновление за счет прагматичного обучения и заимствований у других стран, причем обучения и заимствований, сознательно ориентированных на японские нужды и не сопровождающихся отрицанием или потерей своей субъектности. При рассмотрении японской истории модернизации можно говорить о весьма высокой степени локализации в процессе заимствования «передовых практик» и адаптирования их к местным японским реалиям при главенствовании последних. В частности, в современной японской антропологической лексике, впоследствии перешедшей в лексикон экономики развития, со второй половины 1990-х гг. все чаще используется понятие «переводная адаптация» (вар. «переводное приспособление», *яп.* хонъяку-тэки тэкио: 翻訳的適応, *англ.* translative adaptation). Эта концепция акцентирует именно процесс и «переводческий» характер адаптации заимствования к местным реалиям — заимствование буквально «переводится», приспособляясь к местной системе ценностей, нежели насаждается с низкой степенью локализации или вовсе без таковой. Таким образом, согласно этой концепции, Япония приемлемым для себя способом истолковывала и выборочно внедряла иностранную культуру, преуспев в адаптировании европейских и американских институтов к японским реалиям без потери национальной индивидуальности¹.

¹ Мурашкин Н. Ю. От Эдо к Мэйдзи: предпосылки, развилки и парадоксы японской модернизации. Препринт М-86/21. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021, с. 4–5.

Противоположностью такого подхода было бы слепое копирование или бездумная имитация.

В предыдущих препринтах об истории японской модернизации рассматривались основные политические, общественные и экономические аспекты трансформации Японии при переходе от эпохи Эдо к эпохе Мэйдзи и ключевая роль, которую сыграла консервативная общественно-политическая мысль Японии в преобразованиях конца XIX в.² В настоящем же препринте предметом анализа выбрана концептуализация японского подхода к модернизации в формате «переводной адаптации» — так называется характеристика, данная современным японским экономическим антропологом Маэгава Кэйдзи подходу японского правительства и общества к иностранным заимствованиям. В настоящее время эта теория все более активно используется японскими экспертами в области развития и содействия развитию в странах «Глобального Юга». Интерес данная теория представляет как своим автохтонным происхождением, показывая то, как современные японские ученые осмысливают историю модернизации своей страны, так и своим прикладным применением, позволяющим считать эту теорию научно-практической.

В первой части данной работы описывается интеллектуально-исторический контекст, в рамках которого были разработаны и развиты положения теории «переводной адаптации». В частности, я показываю, как рассматриваемая теория соотносится с современными исследованиями японской модернизации, находясь на стыке более широкой области знаний о социально-экономическом развитии, исторической социологии и японоведения с упором на экономическую и политическую историю. Затем подробно излагается сама концепция в версии ее основного автора и его основных последователей. В заключительной части работы более подробно рассматриваются отдельные случаи того, как Япония делится опытом своей модернизации с другими странами, в том числе включая использование японскими экспертами концепции переводной адаптации в рамках такого обмена опытом.

² На тему интеллектуально-исторического аспекта реставрации Мэйдзи см. также: *Михайлова Ю. Д.* Общественно-политическая мысль Японии, 60–80-е годы XIX в. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1991 г.; *Молодяков В. Э.* Консервативная революция Мэйдзи исин и модернизация Японии // Япония: опыт модернизации. М.: АИРО-XXI, 2011; *Мурашкин Н. Ю.* Консерватизм, традиции, заимствования и японская модернизация: Роль интеллектуалов и основных направлений общественной мысли. Препринт М-95/23. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023; и другие работы.

Между исследованиями развития и страноведением: происхождение и эпистемологическое положение теории «переводной адаптации»

Японский опыт развития и модернизации занимает особое место в различных областях знаний, связанных с изучением процессов социально-экономического развития, включая историческую социологию и экономическую историю³. Изучение истории модернизации Японии позволяет выходить за пределы жестких дихотомий типа «богатый Север — бедный Юг» или «развитые страны — развивающиеся страны» благодаря общности путей Японии и развитых, и развивающихся государств. Уникально, что Япония является редким «членом» двух различных «групп» экономик: она одновременно относится к «ранним» представителям «догоняющего развития» XIX в. благодаря индустриализации эпохи Мэйдзи и к «поздним»⁴ благодаря «реиндустриализации»⁵ страны после Второй мировой войны. Большинство стран, прошедших через догоняющую индустриализацию, чаще всего относятся к одной из этих групп, а не к обеим. Однако Япония испытала высокие темпы роста в оба эти периода своей истории⁶.

³ *Dore R., Whittaker D. H.* Social Evolution, Economic Development and Culture: What it Means to Take Japan Seriously. Cheltenham: Edward Elgar, 2001, p. 50–56; *Terry E.* How Asia Got Rich: Japan, China and the Asian Miracle. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 2002, p. xiii-xxix; *Francks P.* Japanese Economic Development: Theory and Practice. London: Routledge, 2015, p. 1–7.

⁴ *Whittaker D. H., Sturgeon T. J., Okita T., Zhu T.* Compressed Development: Time and Timing in Economic and Social Development. Oxford: Oxford University Press, 2020, p. 11–12.

⁵ *Cargill T. F., Sakamoto T.* Japan Since 1980. Cambridge: Cambridge University Press, 2008, p. 1–2.

⁶ *Whittaker D. H. et al.* Compressed Development, p. 12. Более подробно соотношение прикладных исследований японского опыта развития и более обширной дисциплины исследований развития как таковой (англ. Development Studies) рассматривается в следующей работе: *Murashkin N., Maruyama, T.* Mapping JICA-supported Works on Japan's Development Experience in Development Studies: Their Particularities and Potentials, JICA Ogata Research Institute Discussion Paper No. 19. Tokyo: JICA Ogata Research Institute for Peace and Development, 2024. См. также: *Corbridge S.* The (im)possibility of development studies // *Economy and Society*. 2007. No. 36:2, p. 179–211; *Currie-Alder B.* The state of development studies: origins, evolution and prospects, *Canadian Journal of Development Studies // Revue canadienne d'études du développement*. 2016. No. 37:1, p. 5–26.

В этом контексте стоит отметить, что в позднесоветской научной литературе отмечалась перспективность теории, согласно которой «мировое сообщество подразделяется на страны первичной, вторичной и третичной моделей развития», а «Япония вместе с Германией, Россией и Италией относится к странам вторичной модели, и, соответственно, буржуазная революция и становление капитализма [в Японии] рассматриваются как имеющие принципиальные стадийные отличия от процессов, протекавших в странах первичного капитализма»⁷.

Опыт Японии как «первопроходца индустриализации за пределами Запада»⁸ и «первой в мире современной и успешно развивающейся страны»⁹ был широко исследован в России и бывшем СССР, в самой Японии и на Западе и нередко позиционировался как ориентир для других стран догоняющего развития¹⁰. Различные аспекты японской истории развития систематически изучались российскими учеными в советское и постсоветское время¹¹. Японский успех регулярно привлекал интерес не только японоведов, но и многочисленных западных исследователей развития (development studies), таких как Рональд Дор,

⁷ Михайлова Ю. Д. Общественно-политическая мысль Японии, 60–80-е годы XIX в. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1991, с. 4. Японский историк-русист Кимура Хироси тоже отмечал, что Япония и Россия начали догоняющую модернизацию примерно в одно время. *Kimura H. Japan as a Model for Russia // Japan Review*. 2000. No. 12, p. 41–73. Отсылки к этой общности Японии с Россией, Германией и Италией как современными государствами догоняющего развития второй половины XIX в. можно встретить и в современной японской официальной риторике: *Kanehara N. Japan's Grand Strategy and Universal Values*. Columbia University, 11 April 2017. <https://www.ny.us.emb-japan.go.jp/pdfs/2017-MrKANEHARA.pdf>

⁸ *Francks P. Japanese Economic Development*, p. 169–170.

⁹ *Matanle P., Rausch A. Japan's Shrinking Regions in the 21st Century: Contemporary Responses to Depopulation and Socioeconomic Decline*. Amherst, NY: Cambria Press, 2011, p. 423.

¹⁰ *Cargill T. F., Sakamoto T. Japan Since 1980*, p. 1; *Hein L. (ed.). The New Cambridge History of Japan. Vol. 3. The Modern Japanese Nation and Empire, c. 1868 to the Twenty-First Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 2023.

¹¹ Ввиду фундаментального характера темы исчерпывающий список публикаций представить по ней невозможно, поэтому вдобавок к работам, процитированным в моих предыдущих препринтах на тему японской модернизации, в рамках данного анализа следует также отметить, например, периодическое издание в 1995–2004 гг. серий брошюр «Японский опыт для российских реформ», над которым трудился широкий коллектив авторов (см., например: *Стрельцов Д. В. (ред.) Современное российское японоведение. Оглядываясь на путь длиною в четверть века*. М.: АИРО-XXI, 2015).

Сеймур Брудбридж и др., в период после Второй мировой войны¹². В 2018 г. празднование 150-летия Реставрации Мэйдзи в разных странах мира научными центрами и учеными, изучающими Японию, отразило важность *Мэйдзи-исин*, поскольку она позволила Японии построить современное («модерное») централизованное государство-нацию и стать «первым азиатским государством, осуществившим индустриализацию»¹³.

Изучение опыта развития Японии ценно, поскольку исследования развития становятся все более глобальными, а концептуальные границы между «глобальным Севером» и «глобальным Югом», развитыми и развивающимися государствами — все более размытыми¹⁴. В то же время для многих развивающихся стран остаются актуальными вопросы, связанные с государственной состоятельностью (state capacity), государственным строительством, устойчивостью, справедливостью и разработкой устойчивой национальной политики в различных областях развития.

В связи с этим возникает важный общий вопрос: каким образом исследования японского опыта развития вписываются не только в японоведение как междисциплинарный комплекс страноведческих и регионоведческих знаний, но и в современные исследования развития? Японский опыт развития является частью более широких исследований развития и имеет международное значение, а не представляет собой изолированную область знаний, относящуюся к конкретной стране. Хотя японский опыт развития, безусловно, имеет свои существенные отличительные черты, чрезмерный акцент на уникальности или специфичности японского пути является редуктивным и имеет различные ограничения¹⁵.

¹² Нанп. *Broadbridge S.* The economic sevelopment of Japan 1870 to 1920: A review article // *The Journal of Development Studies*. 1968. No. 4:2, p. 268–287.

¹³ *Hellyer R., Leheny D.* Meiji at 150: A global moment for Japan studies, an ambivalent moment in Japan // *The Journal of Japanese Studies*. 2023. No. 49:1, p. 117.

¹⁴ *Horner R., Hulme D.* From International to Global Development: New Geographies of 21st Century Development // *Development and Change*. FORUM 2019. No. 50:2, p. 351, 363, 369.

¹⁵ *Kim S.* Making a case for postcolonial thinking in international development studies: Towards a more critical and self-reflexive field // *Journal of International Development Studies*. 2023. No. 31:3, p. 83–103; *Koga K., Katada S.* The Enduring Dilemma of Japan's Uniqueness Narratives // *Deudney D. et al. (eds.) Debating Worlds*. Oxford: Oxford University Press, 2023. О сходствах японского, китайского и южнокорейского подходов к распространению знаний о социально-экономическом развитии см.,

В исследованиях Рональда Дора о модернизации проводится различие между «переходным» (transitive) и «непереходным» (intransitive) типами развития, где по-разному трактуется субъект-объектные отношения в рамках процесса модернизации¹⁶. Под «непереходными» в этой типологии понимались общества, которые *модернизировались* через процесс социальных перемен, которые сначала происходили в индустриальных обществах, а затем начали происходить в некоторых развивающихся обществах. Напротив, «переходный» тип относился к обществам, которые *были модернизированы*, т. е. подвергались целенаправленной трансформации жизни в различных областях в соответствии с моделями, заимствованными из других современных обществ, считавшихся более «продвинутыми»¹⁷. Дор и его последователь Хью Уиттакер выражали уверенность, что в конечном счете процесс развития является «переходным»¹⁸. Более того, по утверждению Дора, теория «непереходной» модернизации вряд ли будет полезна для лидеров стран Азии или других регионов, которые пытаются модернизироваться. Различение вышеупомянутых типов модернизации и развития важно при использовании научных определений этих двух обширных терминов и связи между ними. В японском языке существует аналогичное различие между двумя вариантами слова «развитие» — «хаттэн» (発展) и «кайхацу» (開発) — и производных от них глаголов. Во избежание терминологической путаницы стоит отдельно отметить, что слово «переходный» в данном случае не имеет отношения к термину «переходная экономика», поскольку речь не идет о постсоциалистических «экономиках», совершающих переход к рынку.

В вышеописанной терминологии Р. Дора история развития Японии сочетает в себе как «переходный», так и «непереходный» аспекты

например, *Kim S., Wang M., Sato J.* Development knowledge in the making: The case of Japan, South Korea and China // *Progress in Development Studies*. 2023. No. 23:3, p. 275–293.

¹⁶ *Dore R., Whittaker D. H.* Social Evolution, Economic Development and Culture, p. 59–61; *Whittaker D. H. et al.* Compressed Development, p. 13.

¹⁷ *Dore R., Whittaker D. H.* Social Evolution, Economic Development and Culture, p. 50. Ср. с грамматическими понятиями переходных глаголов, которые, соответственно, требуют после себя прямого дополнения, и непереходных, которые не требуют.

¹⁸ Например, в процессе промышленной революции в Великобритании — «первопроходце» индустриализации в Европе — политика правительства играла важную роль (см.: *Whittaker D. H. et al.* Compressed Development, p. 13).

развития, т. е. структурные перемены в обществе и целенаправленную политику правительства с желаемыми результатами. Хотя действия многих государственных деятелей, начиная с эпохи Мэйдзи, можно рассматривать в контексте целенаправленной («переходной») модели¹⁹, они также опирались на раннее современное наследие периода Эдо, которое создало благоприятную почву «снизу» для последовавшей модернизации эпохи Мэйдзи, не ставя при этом преднамеренной явной цели кого-либо «догнать» в эпоху Эдо²⁰.

Подобный подход к модернизации просматривается уже в ранней политической мысли современной Японии, например в идеях Фукудзава Юкити, и впоследствии нашел отражение в современных исследованиях современности и развития Японии (в частности, в работах Маэгава Кэйдзи) как внутри страны, так и за ее пределами. Изучение эволюции этих идей помогает лучше понять, контекстуализировать и точно определить «место» японского опыта развития в исследованиях развития, а также определить, в какой степени история модернизации Японии имеет отношение к проблемам развития других стран.

Так, например, мысли влиятельного японского интеллектуала конца эпохи Эдо и эпохи Мэйдзи Фукудзава Юкити в 1875 г. отражали логику целенаправленной модернизации, хотя и в терминах, характерных для его времени:

Если говорить о цивилизации в современном мире, то наиболее высокоцивилизованными являются страны Европы и Соединенные Штаты Америки, а азиатские страны, такие как Турция, Китай и Япония, можно назвать полуразвитыми (*ханкай* 半開)²¹.

¹⁹ *Maruyama M.* Chapter XIV. Patterns of Individuation and the Case of Japan: A Conceptual Scheme // Jansen M. B. (ed.) *Changing Japanese Attitudes Toward Modernization*. Princeton: Princeton University Press, 1965, p. 489–532. Цитируется по источнику: *Matanle P.*, *Japanese Capitalism and Modernity in a Global Era: Re-Fabricating Lifetime Employment Relations*. London: RoutledgeCurzon, 2003.

²⁰ При этом у Японии к моменту модернизации эпохи Мэйдзи уже имелся как опыт «протомодернизации» в ходе заимствований из Китая в периоды Асука (538–710 гг. н. э.) и Нара (710–794 гг. н. э.), так и значительное культурное наследие связей с Китаем в различных областях общественной жизни — в частности, выражавшееся в роли японского неоконфуцианства в идеологии сёгуната Токугава и в системе образования представителей самурайского сословия.

²¹ Пер. с англ.: *Fukuzawa Y.* *An Outline of a Theory of Civilization*. Originally published in 1875 / transl. by D. A. Dilworth, G. C. Hurst III. New York: Columbia University Press, 2009, p. 17–19.

Затем Фукудзава сделал принципиальную оговорку, подчеркнув тогдашнюю, недавно достигнутую, а не имманентную или постоянную — природу преимущества стран Запада XIX в.:

...хотя мы называем народы Запада цивилизованными, они могут быть правильно удостоены этого названия *только в современной истории*. А многие из них, если быть более точным, недотягивают до этого определения²².

Более века спустя современный японский экономический антрополог Маэгава Кэйдзи предложил свою интерпретацию процессов модернизации, одновременно признавая, нюансируя и оспаривая роль Запада как «эталона» развития. С одной стороны, Маэгава утверждал, что суть модернизации заключается в адаптивном принятии западной цивилизации при сохраняющейся форме существующей (незападной) культуры. С другой стороны, он подчеркивал, что участники существующей (незападной) системы адаптировались к новой (модернизированной) системе, по-новому интерпретируя каждый элемент западной культуры в своей собственной структуре ценностей, изменяя, но сохраняя существующие институты. Маэгава предложил оригинальный термин «переводная адаптация» для описания этого явления²³. В схематичном виде концепцию Маэгава иллюстрирует на рисунок 1 авторства последователя Маэгава — японского экономиста Оно Кэнъити.

Согласно К. Маэгава, К. Оно и И. Оно, концепция «переводной адаптации» обозначает процесс системного слияния и возникающего в результате динамического взаимодействия между доминирующей иностранной системой и местным обществом. Как отмечается ниже, речь идет об адаптивном принятии догоняющими странами передовых систем и новой культуры, часто привносимых из-за рубежа посредством иностранной помощи и глобализации в процессе модернизации. В этом процессе происходит динамическое взаимодействие между иностранными

²² Fukuzawa Y. An Outline of a Theory of Civilization.

²³ Maegawa K. The Continuity of Culture and the Civilization // Ohno K., Ohno I. (eds.) Japanese Views on Economic Development. London: Routledge, 1998, p. 174–175. См. также более раннюю публикацию автора на японском: Маэгава К. Бунка то буммэй но рэндзокусэй: хонъякутэки тэкио рон дзэсэцу [Преемственность культур и цивилизаций: введение в концепцию переводной адаптации] // Хикаку буммэй. Т. 10. Токио: Тосуй Сёбо, 1994.

и местными системами, где иностранные элементы могут быть переосмыслены и адаптированы к существующей структуре ценностей и местным институтам.

Рис. 1. Процесс развития как системное взаимодействие («Переводная адаптация» Маэгава Кэйдзи)²⁴

Ради выживания (или по собственному желанию) многие страны и общества переняли западные институты и объекты извне. Однако важно понимать, что они не принимали западные изобретения в их первоначальном виде. Любой предмет в одной культуре изменит свое значение, если его перенести в другую культуру, как это можно наблюдать в этнографии по всему миру. <...> Суть того, что называют

²⁴ Ohno I., Jin K., Amatsu K., Mori J. (eds.). *Introducing Foreign Models for Development: Japanese Experience and Cooperation in the Age of New Technology*. Singapore: Springer, 2023, p. 8. Перевод и толкование сделаны мной. — *Н. М.*

«модернизацией», заключается в адаптивном принятии западной цивилизации в сохраняющейся форме существующей культуры. То есть действующие лица существующей системы адаптировались к новой системе, переосмысливая каждый элемент западной культуры (т. е. цивилизации) в своей собственной структуре ценностей, изменяя, но сохраняя существующие институты. Я называю это «переводной адаптацией»²⁵.

По мнению И. Оно, в контексте экономического развития переводная адаптация — это процесс, в ходе которого страны «догоняющей» модернизации предпринимают участие в глобальной интеграции, при этом сохраняя национальный контроль, должным образом выбирая модель развития и управления процессом. В интерпретации И. Оно, Маэгава утверждает, что общество, находящееся на поздней стадии развития, не является слабым или пассивным, если оно контролирует тип, условия и скорость импорта иностранных идей и технологий, используя их для стимулирования существующего общества к новому росту. В этом случае правительство играет решающую роль в оказании помощи своему обществу в принятии нового и позитивном развитии. Но не все страны способны это осуществить. Переводная адаптация требует навыков, знаний и общенациональных усилий под мудрым руководством правительства страны. По мнению Маэгава, Япония эпохи Мэйдзи была страной, которая блестяще преуспела в деле «переводной адаптации». А в послевоенной Японии частный сектор и правительство предприняли совместные усилия по формированию идей «кайдзэн», адаптировав на местном уровне управленческие технологии, привезенные из США²⁶.

Маэгава считал, что «другие ключевые концепции, ассоциируемые с Западом, такие как демократия, свобода и права человека, не представляются столь исторически универсальными, как принцип рыночной экономики». Однако, по мнению Маэгава, если пройдет достаточно времени, то существует вероятность, что в будущем незападные страны «также адаптируются к этим западным концепциям, трансформируя и “переводя” их [на свои местные реалии], как они это сделали с рыночными принципами»²⁷.

Влиятельный японский экономист по вопросам развития Исикава Сигэру (1918–2014) разделял точку зрения, схожую с точкой зрения

²⁵ Maegawa K. The Continuity of Culture and the Civilization, p. 174–175.

²⁶ Ohno I. et al. (eds.). Introducing Foreign Models for Development, p. 7.

²⁷ Ibid., p. 177.

Маэгава, но дополняющую его работу, при этом не используя термин «переводной». Исикава подчеркивал важность понимания исходных условий в каждой развивающейся стране, включая стадию развития рынка, и говорит о необходимости развития в этих странах воли и способности «адаптировать» политические рецепты, предлагаемые иностранными донорами, к местным реалиям. Исикава подчеркивал важную роль правительств в этом деле. В 1980–1990-х гг. Исикава внес важный вклад в оказание интеллектуальной поддержки Китаю и Вьетнаму в их реформах по переходу к рыночной экономике²⁸.

Роль государства в модернизации в контексте дискуссий вокруг «Вашингтонского консенсуса» и «восточноазиатского экономического чуда»

Важно отдельно отметить временной контекст появления теории Маэгава в 1994 г. Уже в конце 1980-х исследователи отмечали активные усилия Японии по распространению собственного опыта развития среди развивающихся стран Азии и Африки как альтернативы западному пути развития²⁹. Знаковым примером этой тенденции стало активное и успешное лоббирование японским Министерством финансов публикации нашумевшего доклада Всемирного банка «Восточноазиатское экономическое чудо» в 1993 г.³⁰ Доклад признавал успех экономической модели восьми восточноазиатских экономик, включая японскую, после Второй мировой войны, в частности отдавая должное промышленной и другой политике этих стран и в целом значительной роли государства в процессах социально-экономического развития. Хотя итоговая версия содержала формулировки, более компромиссные по отношению к подходу Всемирного банка, чем изначально предложенные японской стороной, сам факт его публикации на платформе Бреттон-вудских институтов отражал достигнутый Японией на тот момент уровень не только

²⁸ Еще одним крупным японским экономистом, оказывавшим рекомендации правительству КНР (в 1970-х гг.) и другим странам в области экономических реформ, был Окита Сабуро (1914–1993). *Ohno I. et al. (eds.). Introducing Foreign Models for Development*, p. 7–8.

²⁹ *Михайлова Ю. Д.* Мотоори Норинага. Жизнь и творчество (из истории общественной мысли Японии XVIII в.). М.: Наука, 1988, с. 5.

³⁰ *The East Asian Miracle: Economic Growth and Public Policy. Report by the World Bank.* Oxford: Oxford University Press, 1993.

влияния в международных финансовых организациях, но и активности в формулировании и продвижении концепций развития³¹.

Хотя антропологическая по происхождению теория Маэгава напрямую не являлась частью дискуссий экономистов вокруг так называемого «Вашингтонского консенсуса», такие последователи Маэгава, как И. Оно, отмечают значимость контекста этих дискуссий о роли государства в модернизационных реформах³². Так, вышеупомянутый экономист Ишикава Сигэру активно доказывал, что «Вашингтонский консенсус» не учитывает возможности преобладания слаборазвитых рыночных экономик в развивающихся странах с низким уровнем дохода и именно поэтому программы Бреттон-вудских институтов по структурным корректировкам (structural adjustment programs) оказались менее успешными в странах Африки к югу от Сахары, чем в Восточной Азии³³.

По мнению последователей Маэгава, его антропологическая точка зрения также дает хорошее представление о процессе местного обучения, важность которого в контексте знаний для экономического развития подчеркивал Джозеф Стиглиц. Когда он занимал пост главного экономиста Всемирного банка, Стиглиц руководил публикацией «Доклада о мировом развитии (World Development Report) 1998/99: Знания для развития», поставив роль знаний во главу угла усилий по развитию³⁴.

³¹ *Wade R. H.* Japan, the World Bank, and the Art of Paradigm Maintenance: The East Asian Miracle in Political Perspective // *New Left Review*. 1996. No. 1:217, p. 5.

³² Речь идет о критике «Вашингтонского консенсуса» со стороны таких экономистов, как, например, Элис Эмден, Роберт Уэйд, Чхан Ха Джун: см. *Amsden A.* Asia's Next Giant: South Korea and Late Industrialization. Oxford: Oxford University Press, 1989; *Chang H. J.* Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective. London: Anthem Press, 2002; *Wade R. H.* Governing the Market. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990; цит. по: *Ohno I., Amatsu K., Hosono A.* Policy Learning for Industrial Development and the Role of Development Cooperation. JICA Ogata Sadako Research Institute for Peace and Development, February 2022, p. 5.

³³ *Ishikawa S.* Japan's Economic Cooperation and Asia: Beyond Structural Adjustment Policy // *Turbulent World and Japan's Economy*. Tokyo: TBS Britannica, 1991, p. 152–191; *Ishikawa S.* From development economics to development cooperation policy // *Ishikawa Sh. (ed.) Theoretical Research on Development Cooperation Policy*. Chiba: Institute of Developing Economies, 1996, p. 5–86; цит. по: *Ohno I. et al.* Policy Learning for Industrial Development..., p. 5. См. также *Ishikawa S.* Underdevelopment of the market economy and the limits of economic liberalization // *Ohno K., Ohno I. (eds.) Japanese Views on Economic Development: Diverse Paths to the Markets*. London: Routledge, 1998, p. 87–124.

³⁴ *Ohno I. et al. (eds.)*. Introducing Foreign Models for Development, p. 8; *World Development Report 1998/1999. Knowledge for Development*. World Bank.

Множественные модерности: казус Японии

Отдельно от Маэгава, но с некоторым сходством с его тезисами о важности существующей структуры ценностей и институтов в процессе модернизации, роль адаптации и прагматизма в японской модернизации подчеркивал также теоретик и социолог модернизации Шмуэль Эйзенштадт. В своем основательном труде 1996 г. «Японская цивилизация. Сравнительный взгляд» Эйзенштадт представил подробный социологический трактат о современном опыте Японии в сравнении с другими цивилизациями в мировой истории. Основным предметом анализа книги Эйзенштадта был выбран неидеологический характер японской цивилизации³⁵ и ее повторяющейся способности сохранять и воссоздавать общность различных элементов японской цивилизации на разных этапах ее трансформации. Впоследствии идеи Эйзенштадта были развиты в тезисе о японской «модерности» как первой из разновидностей незападных модерностей³⁶.

Прологом к теории множественности модерностей стали дискуссии второй половины XX в. об определении самой «модерности» как таковой. Как отмечает Маэгава, до 1970-х гг. некоторые японские культурные черты считались «домодерными», что в 1950–1960-е гг. формировало в японских интеллектуалах чувство культурной неполноценности по отношению к их западным коллегам. В 1980-х же, по мере развития школы экономической антропологии К. Поланьи и релятивизации понятия «модерности», а также по мере успешного превращения Японии во вторую экономику мира (японский ВВП был вторым в мире с 1968 по 2010 г.), те же культурные особенности японцев стали рассматриваться как положительные и заслуживающие поощрения, по наблюдению Маэгава. Ш. Эйзенштадт на рубеже XX–XXI вв. развил теорию множественных модерностей на примере Японии, отмечая японскую модерность как отдельную разновидность модерности³⁷.

³⁵ Эйзенштадт подчеркивает «неосевой» характер японской цивилизации в классификации цивилизаций «осевого времени» К. Ясперса. *Eisenstadt S. N. Japanese Civilization: A Comparative View*. Chicago: The University of Chicago Press, 1996.

³⁶ *Eisenstadt S. N. (ed.). Multiple Modernities*. London: Routledge, 2002

³⁷ *Eisenstadt S. N. Japanese Modernity: The First Non-Western Multiple Modernity. The Modern Japanese Political System: A Comparative Analysis I // DADOS — Revista de Ciências Sociais*, Rio de Janeiro. 2010. No. 53:1, p. 11–54.

Британский историк К. Бэйли нюансировал роли Запада и Японии в ранней истории модернизации, утверждая, что до 1914 г. люди в большинстве стран мира по-разному справлялись с общей «модерностью» и не были простыми подражателями Запада. В течение некоторого времени, по мнению Бэйли, Запад был одновременно «образцом» и «контролером» модерности, однако к середине XIX в. в мире появилось множество новых «контролеров» и «образцов», среди которых наиболее значимой была частично самостоятельно созданная модерность Японии³⁸.

По утверждению К. Бэйли, японский опыт индустриализации позволяет предположить, что «сочетание диффузионистских моделей изменений с моделями, подчеркивающими эндогенную обеспеченность и развитие, кажется, обладает наибольшей объяснительной силой»³⁹ для нашего понимания причин промышленного успеха Японии. При этом, по мнению экономического историка П. Франкс, японский пример показал, что, во-первых, поскольку доиндустриальные экономики могут производить широкий спектр товаров, «современную» индустриализацию следует определять не как создание производства как такового, а как трансформацию его масштабов и характера, а также характеристик товаров; и во-вторых, глобальное распространение этой трансформации «определило структуру современной мировой экономики и ту ключевую роль, которую Япония стала играть в ней»⁴⁰.

Согласно Маэгава, процесс японской модернизации от прибытия европейских и американских «черных кораблей» в конце эпохи Эдо по настоящий день являлся в глобальном плане встраиванием Японии в расширяющуюся мировую систему — в частности, капиталистическую мировую экономику, основанную на рыночных принципах. К этому следует добавить, что, помимо промышленного капитализма, еще одним ингредиентом модерности — а по важности первостепенным — для Японии было создание современного централизованного государства⁴¹. В этом смысле в сфере государственного управления модернизацию

³⁸ Bayly C. A. *The Birth of the Modern World, 1780–1914*. Maiden, MA: Blackwell, 2004, p. 10–12.

³⁹ *Ibid.*, p. 182.

⁴⁰ *Francks P. Japanese Economic Development*, p. 169. См. также *Francks P. Japan and the Great Divergence. A Short Guide*. London: Palgrave Macmillan, 2016; *Francks P. The Reconceptualisation of the Industrial Revolution and Why It Matters for Japanese Studies // Japan Forum*. 2021. 36 (1), p. 30–54.

⁴¹ *Maegawa K. The Continuity of Culture and the Civilization*, p. 166–167.

Мэйдзи можно рассматривать не только как период нацистроительства на базе прежде феодального сословного общества, но и как время модернизации государственного аппарата для укрепления государственности и работоспособности государственных институтов — того, что в русскоязычном научном обороте часто именуется «государственной состоятельностью»⁴², а в английском называется *state capacity*.

Примеры использования концепции переводной адаптации в японской экспертной литературе применительно к истории японской индустриализации и современному содействию в области развития

Знаковым исследованием, использующим понятие «переводной адаптации» как к истории японской модернизации, так и к современным проблемам развития, стала публикация 2022 г. под редакцией И. Оно, К. Амацу и А. Хосоно⁴³. Остановимся поподробнее на рассмотрении этой работы, делающей упор на истории индустриализации как важнейшем аспекте японского опыта модернизации и развития.

Книга «Изучение политики промышленного развития и роль сотрудничества в целях развития» рассматривает вопрос как об истории японской индустриализации, так и о ее уроках для развивающихся стран, сочетая прикладную ориентацию с антропологическими концепциями. Не вдаваясь в философские рассуждения касательно определения или множественности «модерностей», авторы книги последовательно применяют вышеупомянутую концептуальную схему модернизации как «переводной адаптации», выдвинутую антропологом Маэгава Кэйдзи.

Как уже говорилось выше, по мнению Маэгава, суть «модернизации» заключается в «адаптивном принятии западной цивилизации в рамках сохраняющейся формы существующей культуры». Однако Маэгава подчеркивает важность адаптации: «...участники существующей системы приспособились к новой системе, по-новому интерпретируя каждый

⁴² *Ахременко А. С., Горельский И. Е., Мельвиль А. Ю.* Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Теоретико-методологические основания // Полис. Политические исследования. 2019. № 2, с. 8–23; <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.02>.

⁴³ *Ohno I. et al.* Policy Learning for Industrial Development...

элемент западной культуры (т. е. цивилизации) в своей собственной структуре ценностей, изменяя, но сохраняя существующие институты».

В работе под редакцией И. Оно, К. Амацу и А. Хосоно концепция Маэгава интерпретируется как «процесс системного слияния и возникающего в результате динамического взаимодействия между доминирующей иностранной системой и местным обществом» и «адаптивное принятие передовых систем и новой культуры догоняющими странами», часто привносимых из-за рубежа посредством иностранной помощи и глобализации в процессе модернизации. В книге концепция Маэгава используется путем ее применения к истории развития Японии. Авторы утверждают, что японский опыт догоняющего развития после модернизации Мэйдзи и в период послевоенного экономического развития «характеризовался усвоением и интернализацией западных технологий и знаний, что повлекло за собой усилия по их адаптации к собственной культуре и системе Японии»⁴⁴.

С точки зрения содержания, в работе Оно, Амацу и Хосоно указываются особенности японского опыта развития и показывается, как они были воплощены в практике развития Японии. В частности, для промышленного развития Японии характерен акцент на «компонентах реального сектора, таких как человеческие ресурсы, технологии и фирмы», и эти подходы нашли отражение в японском сотрудничестве в области промышленного развития в различных регионах мира. В книге подробно рассматриваются существующие японские исследования (например, авторства Янагихара Тору), в которых сравниваются японский и западный подходы к экономическому развитию, охарактеризованные, соответственно, как «ингредиентный» и «рамочный». В частности, в ней утверждается, что западные доноры «делают упор на политические и институциональные рамки, такие как функции рынка, принципы государственного вмешательства, бюджеты и государственные инвестиции, расширение прав и возможностей и мониторинг участия, административная эффективность и подотчетность». Япония, напротив, делает упор на «реальный сектор, уделяя внимание возможностям и проблемам отдельных фирм частного сектора, играющих ключевую

⁴⁴ Подробнее с дискуссией об использовании антропологических подходов в японских исследованиях социально-экономического развития можно ознакомиться в работе: *Ito S. Teaching Development studies in Japan: Navigating between Eastern and Western discourses of development // Journal of International Development. 2017. No. 29, p. 981–992.*

роль в рыночной экономике, структуре экономики, а также человеческим, технологическим, производственным и логистическим деталям отдельных промышленных секторов и регионов в странах-получателях»⁴⁵.

Выделяясь из многих научно-практических экспертных публикаций, книга освещает исторический контекст промышленного развития эпохи Мэйдзи как части «государственной модернизации» Японии и опирается в своих аргументах на крепкий концептуальный фундамент из области исследований развития. Применительно к рассмотрению исторического контекста в главе К. Амацу выделяются следующие три причины политики индустриализации в эпоху Мэйдзи: экзистенциальная угроза со стороны иностранных держав, связь процветания и безопасности («богатая страна — сильная армия»), а также важность внутреннего восприятия политики в виде существенного общенационального консенсуса по вопросам индустриализации⁴⁶.

Концептуально подход книги соответствует вышеупомянутому понятию множественной модерности: в ней подчеркивается, что «переводная адаптация придает большое значение коренным перспективам и местному обучению», утверждая, что «развитие — это интерактивный процесс, включающий как “чужие”, так и “коренные” элементы»⁴⁷. В работе этот тезис развивается с помощью идей Поланьи о встроенности экономики в общество: в ней утверждается, что страны с поздним развитием сталкиваются с необходимостью приобретать «иностраные» элементы (современные технологии, знания и организационную структуру через помощь, торговлю и инвестиции частного сектора), в то же время имея «местные» элементы (особые ценности и социальные институты), которые регулируют и определяют эффективность импортируемых элементов.

В труде 2023 г. под редакцией И. Оно, К. Амацу и К. Дзин тема применимости японского опыта в зарубежных странах развивается следующим образом. Первая отличительная черта, подчеркивают авторы, это адаптация к конкретной стране. Японские чиновники и эксперты

⁴⁵ *Ohno I. et al. Policy Learning for Industrial Development...*, p. 22–23; *Yanagihara T. Development and Dynamic Efficiency: ‘Framework Approach’ versus ‘Ingredients Approach’* // Ohno K., Ohno I. (eds.). *Japanese Views on Economic Development: Diverse Paths to the Market*. London: Routledge, 1998, p. 70–76; *Yanagihara T. Ishikawa’s Methodology in Development Economics: Unique Contributions and Remaining Tasks* // *Journal of International Development Studies*. 2018. No. 27:1, p. 3–17.

⁴⁶ *Ohno I. et al. Policy Learning for Industrial Development...*, p. 224.

⁴⁷ *Yanagihara T. Ishikawa’s Methodology in Development Economics...*, p. 12.

в области развития, безусловно, осознают, что японские методы, какими бы эффективными они ни были на родине, нельзя скопировать и перенести в другую страну с иной историей, культурой и социальной структурой. Внедряя японскую модель, они уделяют большое внимание возможности ее переноса как таковой и необходимости адаптации к местным условиям. В принципе, такая адаптация должна осуществляться на местном уровне, а не навязываться извне, однако во многих развивающихся странах это может происходить неавтоматически. В таких обстоятельствах японские эксперты обычно проводят глубокие исследования местной ситуации и беседуют со многими местными заинтересованными сторонами, чтобы объяснить японскую модель и побудить их рассмотреть ее пригодность и необходимость модификации. Эта стратегия импорта иностранного с адаптацией к местным условиям, называемая «переводной адаптацией», по мнению авторов, постоянно применялась на протяжении двух тысячелетий японской истории, в течение которых Япония активно импортировала передовые институты и технологии сначала из Китая и Индии, а затем с Запада, но только после их модификации в соответствии с существующим японским социальным ландшафтом. То же самое Япония, по мнению авторов, намерена делать и при оказании помощи современным странам, находящимся на догоняющих этапах развития⁴⁸.

Отдельные примеры использования модернизационного опыта Японии на постсоветском пространстве: идеи Маэгава и других японских экспертов

Хотя в русскоязычной литературе идеи Маэгава подробного освещения не получили, примечательно, что им уделили внимание в прессе постсоветских стран эпохи 1990-х. Так, в казахстанском издании «Панорама» 1996 г., рассматривались вопросы «пассивности» стран, находящихся на периферии развития и судьбы местных культур в условиях

⁴⁸ *Ohno I. et al. (eds.). Introducing Foreign Models for Development, p. 138.* В этом контексте стоит также отметить недавно вышедшее исследование «непереводимых» идей в японском опыте развития: *Sato J., Kim S. (eds.). The Semantics of Development in Asia. Exploring 'Untranslatable' Ideas Through Japan. Singapore: Springer, 2024.*

глобализации. Согласно Маэгава, в любой стране, преуспевающей в маркетинга, базовая структура общества остается в основном целой даже при решительном изменении экономического механизма. Общество приемлемым для себя способом интерпретирует и выборочно принимает иностранную культуру. При этом местная система должна быть признана в качестве приоритетной и основной, поскольку она уже существовала, несмотря на позднейшие добавления внешней культуры. В изложении «Панорамы» были представлены два тезиса Маэгава, выдвинутых совместно с влиятельным японским экономистом Хара Ёносукэ: 1) рыночная экономика сильно обусловлена существующим общественным устройством; и 2) общественное устройство уникально для каждой страны, а некоторые его составляющие, отдельные социальные структуры, могут быть несовместимы с рыночной экономикой. Согласно Хара, Япония — по состоянию на середину 1990-х гг. — преуспела больше всего (среди незападных стран) в достижении искусства адаптации к западным институтам без потери национальной индивидуальности⁴⁹.

За несколько лет до появления англоязычных публикаций о теории Маэгава и будучи никак не связанной с этой теорией и ее автором, японская философия постепенных преобразований, зачастую идущая вразрез с идеями «шоковой терапии» и «Вашингтонского консенсуса», нашла свое отражение в японских предложениях и аналитических выкладках, адресованных реформаторам и в некоторых странах с переходной экономикой в 1990-х и 2000-х гг.⁵⁰ Так, в июне 1992 г. эксперты аналитического центра японского Министерства международной промышленности и торговли опубликовали доклад «Российские экономические реформы и японская промышленная политика» (англоязычный перевод вышел в марте 1993 г.), где предлагались методы перехода к рынку, альтернативные идеям Международного валютного фонда, с опорой на японский послевоенный опыт. В частности, подход в японском докладе резко контрастировал с подходом МВФ, представленным в докладе фонда по

⁴⁹ Экономисты стран Юго-Восточной Азии достаточно здраво оценивают шансы Центральной Азии стать новым претендентом на экономическое чудо»» (Казахстанская еженедельная газета Panorama (1996. № 44; <https://panoramakz.com/index.php/archive?y=1996&n=44>)).

⁵⁰ *Нагафуса К., Сато К., Кан Ю.* Уздзубэкисутан-муқэ титэки сизн-но торикуми [Меры по оказанию интеллектуальной помощи Узбекистану] // *Файнансу*. 2016. № 52:4, с. 30; *Murashkin N., Varpahovskis E.* The role of development models in Japan's and Korea's relations with Central Asia: Discourses and practices // *Journal of Eurasian Studies*. 2022. No. 13:2, p. 180–199.

России в начале 1992 г. Японские эксперты утверждали, что «рыночные механизмы не могут быть всемогущими», и призывали к проведению отраслевой промышленной политики в срочном порядке с сосредоточением на конкретных отраслях. Авторы выражали сомнения в том, что «макроэкономические подходы», подобные тем, которые отстаивает МВФ, достаточны для удовлетворения главной тогдашней потребности РФ в начале 1990-х гг. — оживления промышленного производства. По мнению авторов японского доклада, послевоенное экономическое возрождение Японии могло быть использовано для выработки соответствующей политики — например, при разработке чрезвычайных мер, чтобы остановить падение производства, и «приоритетных производственных программ» для обеспечения поставок основных промышленных товаров. По мнению авторов доклада, наиболее необходимым в тот момент для российских реформ было бы сосредоточение на конкретных отраслях, имеющих особое значение, как способ увеличения общего объема производства — иными словами, проведение отраслевой промышленной политики в срочном порядке⁵¹.

Еще один доклад аналитического центра японского Министерства международной промышленности и торговли, вышедший в 1992 г., был адресован в целом постсоветским странам. В нем отмечалось, что следующие направления японской промышленной политики послевоенного периода могли бы быть полезными источниками информации в случае рассмотрения применения японского опыта при проведении экономических реформ в бывшем СССР: отмена экономического контроля и либерализация торговли и потоков капитала, создание базы для конкуренции, основание и рационализация управления бизнесом, политика в отношении малых и средних предприятий, конверсия, поддержка приоритетных отраслей, накопление капитала в корпорациях, политика

⁵¹ *Ота Ф., Таникава Х., Отани Т.* Россия-но кэйдай кайкаку то нихон-но сангё-сэйсаку [Экономические реформы в России и промышленная политика Японии] // Токио. Исследовательский институт Министерства внешней торговли и промышленности. 1992, с. 32; *Rowley A.* To Russia with Pride: Japan Offers Economic Model // *Far Eastern Economic Review*. 13 August 1992, p. 59–60; *Wade R. H.* Japan, the World Bank, and the Art of Paradigm Maintenance, p. 12. Можно отдельно отметить, что за несколько лет до выхода японского доклада, в последние годы существования СССР вариант использования японского послевоенного опыта перехода к рыночной экономике рассматривался в непринятой программе реформ «400 дней доверия»: *Явлинский Г. А., Михайлов А. Ю., Задорнов М. М.* 400 дней доверия. М.: Недра, 1990.

в области промышленных технологий, политика стимулирования экспорта, создание мягкой инфраструктуры экономики⁵².

Если говорить конкретно об истории отношений Японии с постсоветской Центральной Азией, то в 1995 г. временный заместитель управляющего Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) по Японии Накахира Косукэ подытожил тогдашнее японское видение региональных операций банка следующим образом:

В республиках Центральной Азии, с одной стороны, требуется — по возможности — модернизация традиционной структуры экономики. С другой стороны, необходимо выявить и укрепить определенные отрасли, обладающие сравнительными преимуществами, чтобы рост в этих отраслях перекинулся на другие. Такой динамичный подход должен применяться преимущественно правительствами соответствующих стран. Япония, как страна, добившаяся экономического взлета благодаря определению стратегических приоритетных секторов, готова активно участвовать в обсуждении такого процесса. Если наш опыт внесет хотя бы скромный вклад в развитие центральноазиатских республик, это доставит нам огромное удовольствие⁵³.

Как показывают отзывы в казахстанских СМИ в 1990-е гг., японские эксперты по развитию тогда выступали — в целом, а не только в Центральной Азии — за принятие модели, предлагающей промышленную политику и приоритет производства в качестве альтернативы неоклассической экономике и взглядам, продвигаемым международными финансовыми институтами, в которых доминируют западные страны. В 1996 г. казахстанское деловое издание «Панорама» представило резюме общих дискуссий о японской помощи среди японских чиновников и ученых.

Во-первых, эти дискуссии имели отношение к новым перспективам, открывающимся перед Казахстаном после того, как Япония стала его основным донором, и, во-вторых, поскольку сами японцы больше всего ценят интеллектуальную помощь и степень ее получения, в этой

⁵² Ёнэмура Н., Цукамото Х. Кюсорэмпусёкоку-но кэйдайтайсэй хэнкаку ни цуйтэ. Сэнго нихон-но кэйкэн га сиса суру моно. [О трансформации экономических систем стран бывшего СССР. Уроки послевоенного опыта Японии] // Исследовательский институт Министерства внешней торговли и промышленности. Токио, 1992.

⁵³ Ministry of Finance of Japan. Statement by Kosuke Nakahira, temporary alternate governor for Japan. Fourth Annual Meeting of the European Bank for Reconstruction and Development, 10 April 1995.

публикации также была сделана попытка определить основные отличия японского взгляда на создание рыночной экономики, «значительно отличающегося», по мнению издания, от взглядов международного финансового сообщества.

Затем в публикации были обобщены основные выводы из рекомендаций, сделанных крупнейшим японским экономистом по вопросам развития Оно Кэнъити и основанных на собственном опыте Японии: преобладание приоритетов политики, специфических для местных реалий, над универсальными решениями, ориентированными на конкретные условия, долгосрочная ориентация и терпение в построении рыночной экономики, прагматическое отношение к взаимодействию между правительством и рынком⁵⁴.

Еще одним ярким примером поддержки Японией моделей развития, альтернативных «шоковой терапии», стало сотрудничество с Узбекистаном в период проведения страной политики «постепенных» реформ в 1990-е гг. — в частности, в рамках так называемого интеллектуального содействия развитию⁵⁵. Как показывают существующие исследования, в 1990-е гг. некоторые японские чиновники, консультировавшие правительства стран Центральной Азии, поддерживали градуализм Узбекистана (яп. *дзэнсинсюги* 漸進主義; также *дзэнсинтэкикайкаку* 漸進的改革, «постепенные реформы», *англ.* gradualism) как постепенный подход к реформам, альтернативный подходам «шоковой терапии»⁵⁶. В публикациях чиновников японского Министерства финансов содержались ссылки на собственный опыт развития Японии, включая упоминание эпохи Мэйдзи, когда термин *дзэнсинсюги* начал входить в соответствующий лексикон, и послевоенной эпохи.

В частности, по мнению Мунэнага Кэнсаку — пятого по счету японского чиновника, занимавшего пост первого заместителя ректора Банковско-финансовой академии Узбекистана, — используя пример Японии, которая преуспела в реформировании и развитии после реставрации Мэйдзи, приспособляясь к нововведениям с Запада, Узбекистан,

⁵⁴ Murashkin N., Varpahovskis E. The role of development models..., p. 180–199.

⁵⁵ Хирано Т., Сакураи К., Хирано С. Уздзубэкисутан ни тайсуру титэки сийэн ни пуйтэ — сэйдзи кэйдзай о нагамэнагара [«Интеллектуальное содействие» Узбекистану — рассматривая политику и экономику]. 2020; https://www.mof.go.jp/pri/research/special_report/f04_17.pdf.

⁵⁶ Murashkin N. Japanese involvement in central Asia: An early inter-Asian post-neoliberal case? // Asian Journal of Social Science. 2015. No. 43:1–2, p. 50–79.

преуспевший в собственной постепенности, мог рассмотреть возможность изменения своей траектории дальнейшего развития⁵⁷.

Другой чиновник японского министерства финансов, Касиваги Сигэо, неоднократно указывал на опыт послевоенной Японии как на источник выводов для Узбекистана в контексте его градуалистских реформ⁵⁸. Например, в 1997 г. Минфин Японии подготовил рекомендательный отчет по налоговой реформе для правительства Узбекистана, которое в то время проводило постепенную рыночную политику. Этот доклад стал известен как «доклад Иси», по имени его автора Иси Хиромицу. Авторы доклада помнили о той роли, которую сыграли рекомендации миссии Шоупа по проведению в Японии послевоенной налоговой реформы и созданию системы сбора налогов, пытаясь таким образом передать прошлый опыт Японии⁵⁹.

Однако не все рекомендации доклада Иси были приняты узбекским правительством, и, согласно другим источникам, хотя доклад был в целом положительно встречен в Ташкенте, на практике он отправился на полку без какого-либо существенного применения⁶⁰. Аналогичная судьба постигла и японскую миссию 2002 г. в Узбекистан времен Ислама Каримова, которая занималась вопросами курсовой политики, и Меморандум миссии по финансовой реформе в Узбекистане, представленный узбекскому правительству, но оставшийся без каких-либо конкретных действий⁶¹. Валютная политика Узбекистана была кардинально реформирована только после того, как в 2017 г. правительство новоизбранного президента Шавката Мирзиёева ослабило валютный контроль.

Когда высокопоставленные чиновники МИД и министерства финансов Японии работали в Узбекистане по приглашению узбекских властей в начале 1990-х гг., они рассматривали «постепенность» в проведении социально-экономических реформ в контексте аргументов президента И. Каримова, которые в тот период уже были весьма очевидны. Кстати, на тот момент Япония отдавала приоритет именно Узбекистану

⁵⁷ Нагафуса К., Сато К., Кан Ю. Удзубэкисутан-муқэ титэки, с. 28–31.

⁵⁸ Касиваги С. Титэки сиэн то ва нани ка [Что такое интеллектуальное содействие] // Файнансу. 2014. № 7, р. 17–18, 20.

⁵⁹ Ibid., р. 20.

⁶⁰ Ibid., р. 20; интервью с бывшим должностным лицом Министерства финансов Японии, 2022 г.

⁶¹ Интервью с бывшим должностным лицом Министерства финансов Японии, 2022 г.

среди стран Центральной Азии в силу его исторических и культурных особенностей (включая центральное положение в регионе в советское время), стабильной экономической ситуации, самой большой численности населения и других причин, в то время как Казахстан все еще проходил через эмбриональную стадию развития нефтегазового сектора. Особенно важным для представителей Японии был тот факт, что президент И. Каримов отличался прагматизмом в своих подходах. Между тем в этот период многие японские консультанты по технической и интеллектуальной помощи считали, что радикальный подход к реформам может быть уместен в центральноевропейских странах с переходной экономикой, но менее актуален или неактуален для Восточной Европы, включая Россию, и особенно для Центральной Азии из-за сравнительно меньшего опыта рыночной экономики или неизвестных факторов⁶².

Кроме того, применимость японской версии градуализма к Узбекистану также ограничена. Японский «градуализм» в эпоху Мэйдзи представлял из себя весьма комплексный подход; во многих случаях он включал в себя и радикальные аспекты реформ, особенно по сравнению с более медленной модернизацией цинского Китая и чосонской Кореи. Аналогичным образом в ранний послевоенный период (1946–1951 гг.) японские бюрократы-реформаторы в сотрудничестве с американскими оккупационными властями с большим энтузиазмом проводили земельную реформу, ликвидацию промышленных монополий и конгломератов *дзайбацу*, переход к системе местного самоуправления, а позднее — так называемый доклад миссии Шоупа о японском налогообложении и другие, которые, по мнению некоторых экспертов, не были основаны на постепенности, а скорее представляли собой радикальные изменения⁶³.

Существуют также важные различия между опытом Японии и Центральной Азии в получении интеллектуальной помощи. В отличие от политики приглашения и найма иностранных экспертов в Японии времен Мэйдзи, японские советники в 1990-е гг. чаще всего не занимали местных должностей в Узбекистане и других государствах Центральной Азии, за несколькими заметными исключениями, такими как первые заместители ректора Банковско-финансовой академии Узбекистана⁶⁴

⁶² Интервью с бывшим должностным лицом Министерства финансов Японии, 2022 г.

⁶³ Там же; *Kaizuka K.* The Shoup tax system and the postwar development of the Japanese economy // *The American Economic Review*. 1992. No. 82:2, p. 221–225.

⁶⁴ *Нагафуса К., Сато К., Кан Ю, Удзубэкисутан-мукэ титэки...*, с. 28–31.

или Танака Тэцудзи, формально занимавший должность верховного советника в Центральном банке Кыргызстана⁶⁵. В целом же основной подход и схема работы советников были подготовлены в Японии, а их расходы, включая проезд и проживание, оплачивались японским правительством. Такой подход отличался от модели получения иностранной интеллектуальной помощи эпохи Мэйдзи, при которой первоначальный план в основном готовился в принимающей стране — Японии — по ее собственной инициативе, а почти все расходы оплачивало японское правительство. В отличие от этого, в 1990-е гг. государства-получатели Центральной Азии практически никакого финансового бремени не несли, а инициатива исходила от обеих сторон.

В конечном итоге существовала и межпоколенческая дифференциация: хотя в 1990-е гг. первое поколение японских чиновников, имевших дело с Узбекистаном эпохи И. Каримова, поддерживало постепенность, к концу 1990-х — началу 2000-х гг. реформы частично застопорились, а частично замедлились⁶⁶, и новое поколение японских чиновников, дававших политические рекомендации, выступало за более смелые подходы⁶⁷. С одной стороны, узбекистанскому правительству все больше требовались инвестиции в дополнение к льготным кредитам, которые оно теперь могло получить от более широкого круга доноров в дополнение к росту доходов от экспорта ресурсов и денежных переводов. С другой стороны, относительно медленные темпы перехода к рынку в Центральной Азии привели к тому, что японские деловые операции в регионе ограничивались в основном проектами официальной помощи развитию⁶⁸, а инвестиционный интерес японских частных компаний оставался низким.

Наконец, обмен опытом Японии в области сотрудничества в целях развития представляет собой еще один пример интеллектуальной помощи, получившей распространение в Центральной Азии. Ученые подчеркивали близость опыта Японии к донорам «Глобального Юга»

⁶⁵ Japan National Press Club. 1993; <https://www.jnpc.or.jp/archive/conferences/20512/report>.

⁶⁶ *Китamura T.* Рэйсэн но хокай кара 20-нэн о хэта икококу кэйдзай. [Переходные экономики: Двадцать лет после прекращения холодной войны] // *Journal of Asia-Pacific Studies*. 2010. No. 15, p. 75.

⁶⁷ *Murashkin N.* Japanese involvement in central Asia, p. 50–79.

⁶⁸ *Симоясиро М.* Тюо Адзиа кэйдзай дзусэцу [Иллюстрация центральноазиатской экономики] // *Юрасиа букурэтто*. 2008. № 128, с. 60.

в целом, утверждая, что, во-первых, ценности, на которых основывались южные и японские доноры, лежат вне рамок Комитета по содействию развитию (КСР) ОЭСР; и во-вторых, нормативные установки южных доноров и Японии контрастируют с нормативными установками доноров КСР, в частности в том, что касается попыток нейтрализовать асимметрию властных отношений, характерную для отношений между донорами и реципиентами⁶⁹.

Идея использования истории развития и модернизации Японии в качестве потенциальной «модели» или, скорее, источника рекомендаций и уроков неоднократно пропагандировалась и продвигалась японскими политиками, государственными деятелями и практиками развития в различных регионах, о чем свидетельствуют официальные публикации и работы экспертов по развитию⁷⁰. С конца 2010-х гг. этот подход подвергся дальнейшей «кристаллизации» и систематизации в деятельности Японского агентства международного сотрудничества (JICA), примером чего являются его Программа исследований развития и программа JICA Chair, опирающиеся на опыт модернизации Японии эпохи Мэйдзи и восстановления Японии после Второй мировой войны.

Заключение

В данной работе были рассмотрены отдельные концептуальные подходы японских ученых и экспертов по развитию к анализу истории японской модернизации, включая экономическо-антропологическую теорию «переводной адаптации», а также использование этих подходов японскими экспертами в рамках содействия экономическому развитию других стран. При этом идеи японских экспертов показаны в более широком контексте исследований модернизации и развития и диалоге с этими исследованиями.

⁶⁹ *Fukuda-Parr S., Shiga H.* Normative Framing of Development Cooperation: Japanese Bilateral Aid between the DAC and Southern Donors // JICA Research Institute Working Paper. June 2016. No. 130; https://www.jica.go.jp/Resource/jica-ri/publication/workingpaper/jrft3q00000063lo-att/JICA-RI_WP_No.130.pdf.

⁷⁰ *Toyoda T., Nishikawa J., Kan Sato H.* (eds.). *Economic and Policy Lessons from Japan to Developing Countries*. London: Palgrave Macmillan, 2012; *Kato H., Page J., Shimomura Y.* (eds.). *Japan's Development Assistance. Foreign Aid and the Post-2015 Agenda*. London: Palgrave, 2016.

Можно отметить, что многие японские работы, посвященные опыту развития Японии, как правило, отмечают преобладающую роль прагматизма над идеологическими подходами, при этом одновременно признавая роль той или иной идеологии на разных этапах экономической модернизации Японии (ср. наблюдение Ш. Эйзенштадта об исторически неидеологическом характере японской цивилизации) и важности исторической динамики между прагматикой и идеологической последовательностью. Кроме того, многие японские подходы в сфере содействия развитию с опорой на японский опыт модернизации последовательно подчеркивают адаптацию и локализацию в противовес «универсальным» решениям: речь здесь идет как о теории переводной адаптации (согласно концепции К. Маэгава) иностранных заимствований к японским национальным и местным условиям в противовес подходу машинального копирования без локализации, так и в целом об адаптации к меняющейся внешней и внутренней среде.

Одновременно в рассмотренных работах прямо или косвенно признается множественность модерностей, в соответствии с которой японская модерность является разновидностью незападных модерностей, обусловленных специфическим опытом модернизации и развития (см., например, работы таких разных – в плане дисциплинарной принадлежности – авторов, как К. Маэгава, К. Бэйли, Ш. Эйзенштадт). При этом японские подходы включают в себя как «переходные» (в смысле наличия конкретных субъекта и объекта развития), так и «непереходные» аспекты развития, т. е. целенаправленную политику правительств с намеченными результатами и структурные социальные изменения «снизу». В частности, в исследованиях модернизации Японии и их распространения в рамках обмена опытом налицо акцент на «переходных» аспектах развития — важности роли государства и его намеренной целенаправленной модернизационной политики государства в развитии рыночных отношений. Эти акценты просматриваются в работах известных исторических интеллектуалов, таких как Фукудзава Юкити, Маруяма Масао, и современных ученых, включая экономического антрополога К. Маэгава и его последователей среди экспертов по проблемам экономического и промышленного развития.

Литература

Литература и источники на русском и японском языках

Ахременко А. С., Горельский И. Е., Мельвиль А. Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Теоретико-методологические основания // Полис. Политические исследования. 2019. № 2, с. 8–23; <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.02>.

Ёнэмура Н., Цукамото Х. Кюсорэмпусёкоку-но кэйдзайтайсэй хэнкаку ни цуйтэ. Сэнго нихон-но кэйкэн га сиса суру моно. [О трансформации экономических систем стран бывшего СССР. Уроки послевоенного опыта Японии] // Исследовательский институт Министерства внешней торговли и промышленности. Токио, 1992.

Касиваги С. Титэки сизэн то ва нани ка [Что такое интеллектуальное действие] // Файнансу. 2014. № 7.

Китamura Т. Рэйсэн но хокай кара 20-нэн о хэта икококу кэйдзай. [Переходные экономики: Двадцать лет после прекращения холодной войны] // Journal of Asia-Pacific Studies. 2010. No. 15, p. 53–110.

Маэгава К. Бунка то буммэй но рэндзокусэй: хоньякутэки тэкио рон дзёсэцу [Преимственность культур и цивилизаций: введение в концепцию переводной адаптации] // Хикаку буммэ. Т. 10. Токио: Тосуй Сёбо, 1994.

Михайлова Ю. Д. Мотоори Норинага. Жизнь и творчество (из истории общественной мысли Японии XVIII в.). М.: Наука, 1988.

Михайлова Ю. Д. Общественно-политическая мысль Японии, 60–80-е годы XIX в. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1991.

Молодяков В. Э. Консервативная революция Мэйдзи исин и модернизация Японии // Япония: опыт модернизации. М.: АИРО-XXI, 2011.

Мурашкин Н. Ю. От Эдо к Мэйдзи: предпосылки, развилки и парадоксы японской модернизации. Препринт М-86/21. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021.

Мурашкин Н. Ю. Консерватизм, традиции, заимствования и японская модернизация: Роль интеллектуалов и основных направлений общественной мысли. Препринт М-95/23. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023.

Нагафуса К., Сато К., Кан Ю. Удзубэкисутан-мукэ титэки сизэн-но торикуми [Меры по оказанию интеллектуальной помощи Узбекистану] // Файнансу. 2016. № 52:4, с. 28–31.

Ота Ф., Таникава Х., Отани Т. Росиа-но кэйдзай кайкаку то нихон-но сангё-сэйсаку [Экономические реформы в России и промышленная политика

Японии] // Исследовательский институт Министерства внешней торговли и промышленности. Токио, 1992.

Симоясиро М. Тую Адзиа кэйдзай дзусэцу [Иллюстрация центральноазиатской экономики] // Юрасиа букурэтто. 2008. № 128.

Стрельцов Д. В. (ред.) Современное российское японоведение. Оглядываясь на путь длиною в четверть века. М.: АИРО-XXI, 2015.

Хирано Т., Сакураи К., Хирано С. Удзубэкусутан ни тайсуру тигэки сиэн ни цуйтэ — сэйдзи кэйдзай о нагамэнагара [«Интеллектуальное содействие» Узбекистану — рассматривая политику и экономику]. 2020; https://www.mof.go.jp/pri/research/special_report/f04_17.pdf.

Явлинский Г. А., Михайлов А. Ю., Задорнов М. М. 400 дней доверия. М.: Недра, 1990.

Литература и источники на английском языке

Amsden A. Asia's Next Giant: South Korea and Late Industrialization. Oxford: Oxford University Press, 1989.

Bayly C. A. The Birth of the Modern World, 1780–1914. Maiden, MA: Blackwell, 2004.

Broadbridge S. The economic sevelopment of Japan 1870 to 1920: A review article // The Journal of Development Studies. 1968. No. 4:2, p. 268–287.

Cargill T. F., Sakamoto T. Japan since 1980. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Chang H. J. Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective. London: Anthem Press, 2002.

Corbridge S. The (im)possibility of development studies // Economy and Society. 2007. No. 36:2, p. 179–211.

Currie-Alder B. The state of development studies: origins, evolution and prospects, Canadian Journal of Development Studies // Revue canadienne d'études du développement. 2016. No. 37:1, p. 5–26.

Dore R., Whittaker D. H. Social Evolution, Economic Development and Culture: What it Means to Take Japan Seriously. Cheltenham: Edward Elgar, 2001.

Eisenstadt S. N. Japanese Civilization: A Comparative View. Chicago: The University of Chicago Press, 1996.

Eisenstadt S. N. (ed.). Multiple Modernities. London: Routledge, 2002; <https://doi.org/10.4324/9781315124872>.

Eisenstadt S. N. Japanese Modernity: The First Non-Western Multiple Modernity. The Modern Japanese Political System: A Comparative Analysis I // DADOS—Revista de Ciências Sociais, Rio de Janeiro. 2010. No. 53:1, p. 11–54.

Francks P. Japanese Economic Development: Theory and practice. London: Routledge, 2015.

Francks P. Japan and the Great Divergence. A Short Guide. London: Palgrave Macmillan, 2016.

Francks P. The Reconceptualisation of the Industrial Revolution and Why It Matters for Japanese Studies // Japan Forum. 2021. 36 (1), p. 30–54.

Fukuda-Parr S., Shiga H. Normative Framing of Development Cooperation: Japanese Bilateral Aid between the DAC and Southern Donors // JICA Research Institute Working Paper. June 2016. No. 130; https://www.jica.go.jp/Resource/jica-ri/publication/workingpaper/jrft3q000000631o-att/JICA-RI_WP_No.130.pdf.

Fukuzawa Y. An Outline of a Theory of Civilization. Originally published in 1875 / transl. by D. A. Dilworth, G. C. Hurst III. New York: Columbia University Press, 2009.

Hein L. (ed.). The New Cambridge History of Japan. Vol. 3. The Modern Japanese Nation and Empire, c. 1868 to the Twenty-First Century. Cambridge: Cambridge University Press, 2023.

Hellyer R., Leheny D. Meiji at 150: A global moment for Japan studies, an ambivalent moment in Japan // The Journal of Japanese Studies. 2023. No. 49:1, p. 117–139.

Horner R., Hulme D. From International to Global Development: New Geographies of 21st Century Development // Development and Change. FORUM 2019. No. 50:2, p. 347–378.

Ishikawa S. Japan's Economic Cooperation and Asia: Beyond Structural Adjustment Policy // Turbulent World and Japan's Economy Tokyo: TBS Britannica, 1991, p. 152–191.

Ishikawa S. From development economics to development cooperation policy // Ishikawa Sh. (ed.) Theoretical Research on Development Cooperation Policy. Chiba: Institute of Developing Economies, 1996, p. 5–86.

Ishikawa S. Underdevelopment of the market economy and the limits of economic liberalization // Ohno K., Ohno I. (eds.) Japanese Views on Economic Development: Diverse Paths to the Markets. London: Routledge, 1998, p. 87–124.

Ito S. Teaching Development studies in Japan: Navigating between Eastern and Western discourses of development // Journal of International Development. 2017. No. 29, p. 981–992.

Japan National Press Club. 1993; <https://www.jnpc.or.jp/archive/conferences/20512/report>.

Kaizuka K. The Shoup tax system and the postwar development of the Japanese economy // The American Economic Review. 1992. No. 82:2, p. 221–225.

Kanehara N. Japan's Grand Strategy and Universal Values. Columbia University, 11 April 2017. <https://www.ny.us.emb-japan.go.jp/pdfs/2017-MrKANEHARA.pdf>

Kato H., Page J., Shimomura Y. (eds.). Japan's Development Assistance. Foreign Aid and the Post-2015 Agenda. London: Palgrave, 2016.

Kim S. Making a case for postcolonial thinking in international development studies: Towards a more critical and self-reflexive field // *Journal of International Development Studies*. 2023. No. 31:3, p. 83–103.

Kim S., Wang M., Sato J. Development knowledge in the making: The case of Japan, South Korea and China // *Progress in Development Studies*. 2023. No. 23:3, p. 275–293.

Kimura H. Japan as a Model for Russia // *Japan Review*. 2000. No. 12, p. 41–73.

Koga K., Katada S. The Enduring Dilemma of Japan's Uniqueness Narratives // Deudney D. et al. (eds.) *Debating Worlds*. Oxford: Oxford University Press, 2023.

Maegawa K. The Continuity of Culture and the Civilization // Ohno K., Ohno I. (eds.) *Japanese Views on Economic Development*. London: Routledge, 1998.

Maruyama M. Chapter XIV. Patterns of Individuation and the Case of Japan: A Conceptual Scheme // Jansen M. B. (ed.) *Changing Japanese Attitudes Toward Modernization*. Princeton: Princeton University Press, 1965, p. 489–532.

Matanle P. Japanese Capitalism and Modernity In a Global Era: Re-Fabricating Lifetime Employment Relations. London: RoutledgeCurzon, 2003.

Matanle P., Rausch A. Japan's Shrinking Regions in the 21st Century: Contemporary Responses to Depopulation and Socioeconomic Decline. Amherst, NY: Cambria Press, 2011.

Ministry of Finance of Japan. Statement by Kosuke Nakahira, temporary alternate governor for Japan. Fourth Annual Meeting of the European Bank for Reconstruction and Development, 10 April 1995.

Murashkin N. Japanese involvement in central Asia: An early inter-Asian post-neoliberal case? // *Asian Journal of Social Science*. 2015. No. 43:1–2, p. 50–79.

Murashkin N., Maruyama, T. Mapping JICA-supported Works on Japan's Development Experience in Development Studies: Their Particularities and Potentials (JICA Ogata Research Institute Discussion Paper No.19). Tokyo: JICA Ogata Research Institute for Peace and Development, 2024.

Murashkin N., Varpahovskis E. The role of development models in Japan's and Korea's relations with Central Asia: Discourses and practices // *Journal of Eurasian Studies*. 2022. No. 13:2, p. 180–199.

Ohno I., Amatsu K., Hosono A. Policy Learning for Industrial Development and the Role of Development Cooperation. JICA Ogata Sadako Research Institute for Peace and Development, February 2022; https://www.jica.go.jp/Resource/jica-ri/ja/publication/booksandreports/tfpeil0000002pxe-att/policy_20220304.pdf

Ohno I., Jin K., Amatsu K., Mori J. (eds.). *Introducing Foreign Models for Development: Japanese Experience and Cooperation in the Age of New Technology*. Singapore: Springer, 2023; <https://link.springer.com/book/10.1007/978-981-99-4238-1>.

Rowley A. *To Russia with Pride: Japan Offers Economic Model // Far Eastern Economic Review*. 13 August 1992, p. 59–60.

Sato J., Kim S. (eds.). *The Semantics of Development in Asia. Exploring ‘Untranslatable’ Ideas Through Japan*. Singapore: Springer, 2024.

Terry E. *How Asia Got Rich: Japan, China and the Asian Miracle*. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 2002.

The East Asian Miracle: Economic Growth and Public Policy. Report by the World Bank. Oxford: Oxford University Press, 1993.

Toyoda T., Nishikawa J., Kan Sato H. (eds.). *Economic and Policy Lessons from Japan to Developing Countries*. London: Palgrave Macmillan, 2012.

Wade R. H. *Governing the Market*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990.

Wade R. H. *Japan, the World Bank, and the Art of Paradigm Maintenance: The East Asian Miracle in Political Perspective // New Left Review*. 1996. No. 1:217, p. 3–36.

Whittaker D. H., Sturgeon T. J., Okita T., Zhu T. *Compressed Development: Time and Timing in Economic and Social Development*. Oxford: Oxford University Press, 2020.

Yanagihara T. *Development and Dynamic Efficiency: ‘Framework Approach’ versus ‘Ingredients Approach // Ohno K., Ohno I.* (eds.). *Japanese Views on Economic Development: Diverse Paths to the Market*. London: Routledge, 1998, p. 70–76.

Yanagihara T. *Ishikawa’s Methodology in Development Economics: Unique Contributions and Remaining Tasks // Journal of International Development Studies*. 2018. No. 27:1, p. 3–17.

Николай Юрьевич Мурашкин

**Модернизация опытным путем. Концепция
«переводной адаптации» и другие идеи,
с помощью которых Япония делится
опытом своего развития**

Препринт М-106/24

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 16.09.2024.
Формат 60x88 1/16. Тираж 20 экз.